

СЛУКИН
Всеволод Михайлович

Слукин В.М. — геофизик, выпускник Свердловского горного института (1959), профессор Уральской архитектурно-художественной академии. Область научных интересов — историко-культурное наследие России и Екатеринбурга и современные технологии его изучения.

ВОЗНЕСЕНСКАЯ ГОРКА

По географическому положению, градостроительным особенностям в развитии структуры города, наличию уникальных памятников архитектуры, сочетанию и привязке исторических событий мирового значения, притягательности интереса горожан Вознесенская горка в Екатеринбурге представляет объект чрезвычайной значимости и может рассматриваться как уникальная историческая территория.

Вознесенская горка расположена в северо-восточной части исторической зоны города и представляет возвышенность, доминирующую над центром города и имеющую достаточно крутые склоны с восточной, северной и западной сторон и сравнительно отлогий спуск с южной стороны.

Сложенная геологически плотными метаморфизованными сланцами возвышенность не претерпела с течением времени сколько-нибудь значительной эрозии и нивелировалась исключительно за счет роста культурного слоя окружающей застройки.

В первоначальный период выбора места и последующего строительства

Екатеринбургского завода горка была покрыта сосновым лесом, который вырублен при заготовке строительных материалов, производившейся по распоряжению В.Н. Татищева.

Вдоль северного склона располагалось обширное болото, подпитываемое Основинскими водоемами, а рядом протекала речка Мельковка, по берегам которой располагалась застройка Мельковской слободы. На южном склоне протекал ручей Пеньковка, питавшийся водами родников Вознесенской горки и впадавший в пруд Екатеринбургского завода вблизи северо-восточного полубастиона крепости. В устье ручья стояло несколько домов Пеньковской слободы, которая, разрастаясь на север и на юг, соединялась с Мельковской и Конюшенной слободами. Вершина горки была свободна от строений до 1735 года, когда на ней был выстроен комплекс «Загородного Командирского дома». Этот комплекс представлял укрепленную усадьбу, квадратную в плане, с набором всех необходимых для автономного функционирования элементов: командирс-

кий дом с глубоким подвалом, службы с погребами, конюшни, складские строения и т.п.

Впервые «Загородный Командирский дом» появился на плане г. Екатеринбурга в 1737 г. Постройки усадьбы возведены по распоряжению В.Н. Татищева, имевшего к тому времени генеральский чин. Поэтому сам дом впоследствии иногда называли «Генеральским», и горка в то время также носила название «Генеральской горки». Строительство «Загородного Командирского дома» повлекло в последующем изменение в регулярной застройке этой территории. Дома и усадьбы горожан как бы «обходили» участок, занятый «Командирским домом». Современный Вознесенский проспект, «взбегая» на горку, упирался в стену усадьбы. Этим объясняется нарушение красной линии вдоль проспекта, так и оставшееся после утраты застройки участка «Командирского дома» и далее при развитии Вознесенской площади.

В 60-е года XVIII в. вблизи ограды «Командирского дома» на западном склоне горы по прошениям жителей Мельковской слободы была выстроена деревянная церковь Вознесения Господня, которая просуществовала на этом месте до 1808 года. Деревянную Вознесенскую церковь («Старо-Вознесенскую») разобрали и перевезли в Нижнеисетск, где она долгое время была приходской, а затем кладбищенской. В настоящее время на ее месте устроена свалка, но можно предполагать, что фундамент цел по сей день.

В конце XVIII в. на северном склоне Вознесенской горки за бывшей оградой «Командирского дома» началось строительство ансамбля усадьбы Расторгуевых—Харитоновых. Инициатор строительства — бывший доверенный винного откупщика Злобина, затем

сам ставший виноторговцем, а потом крупным заводчиком (Кыштымский, Каспийский, Шемахинский, Нязепетровский заводы) и золотопромышленником — Лев Иванович Расторгуев.

На угловом участке будущего ансамбля стоял недостроенным с 1794 года каменный дом, принадлежавший вдове губернского секретаря С.И. Исакова. Л.И. Расторгуев купил этот участок с недостроенным домом (купчая от 18 декабря 1798 г.), а чуть позже подал прошение о строительстве собственного каменного дома, имея в виду, по-видимому, не только достройку, но и расширение строения.

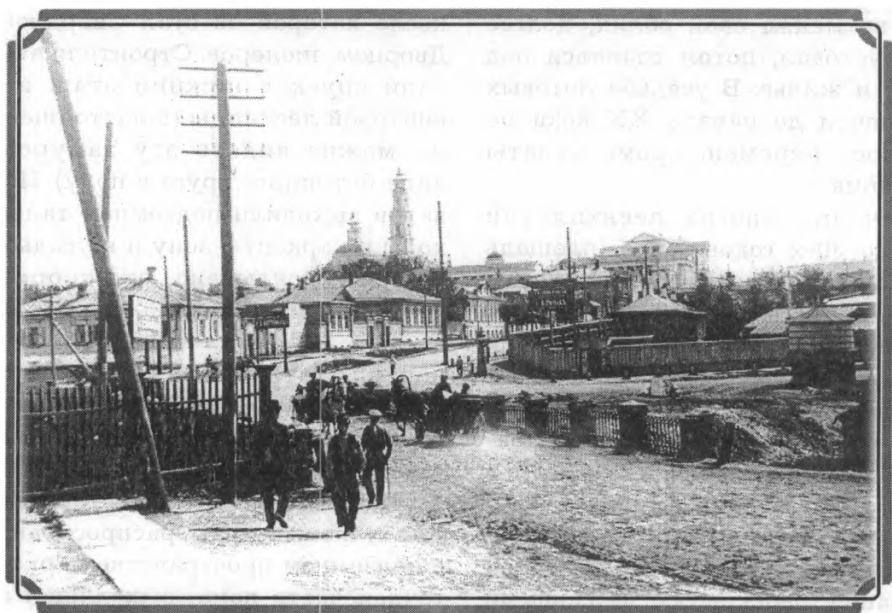
Через год, в декабре 1799 года, угловой дом ансамбля имел два этажа и подвал, о чем известно из прошения об освидетельствовании строительства. Территория, отведенная непосредственно под эти постройки, была невелика. Желая ее расширить, Л.И. Расторгуев в 1808 году обращается к властям с просьбой об отводе ему места под устройство усадьбы на северном склоне Вознесенской горки, объясняя свое желание обустроить это болотистое и топкое место, которое «от засорения и скопления в нем нечистоты причиняет гнилостью воздуха вред в здоровье человеческом». Л.И. Расторгуев обязывался это место очистить и «довести до того, что наконец не только не будет оно безобразить, но составит приятный вид сада, украшение города...»

К 1815 году ансамбль усадьбы Расторгуевых—Харитоновых в основном сложился, однако, строительство и благоустройство полностью завершены к 1824 году. Таким образом, северная граница Вознесенской площади получила обрамление в виде главного фасада ансамбля с разнообразием строгих форм и объемов, объединенных стилем классицизма.

Напротив ансамбля усадьбы Расторгуевых—Харитоновых вдоль южной границы площади располагалась усадьба другого заводчика и золотопромышленника Г.Ф. Зотова. Дом Зотова выходил фасадом на Вознесенский проспект (ныне участок, занимаемый зданием «Бухара-Урал»), представлял двухэтажное строение с бельведером, скорее всего деревянное, оштукатуренное снаружи, так как «по ветхости» здание было разобрано еще в конце XIX в. На площадь выходили торцевые части многочисленных служб и хозяйственных построек.

В восточной части Вознесенской площади, на месте «Командирского дома» в 1792 году была заложена каменная Вознесенская церковь, основной двухэтажный объем которой был завершен в 1818 году, однако, полное строительство здания с дополнительными 4 приделами и благоустройством закончено почти через 80 лет — на рубеже XX века.

Вознесенская площадь образовалась на месте усадьбы «Загородного Командирского дома» после сноса его ограды и хозяйственных построек в конце XVIII в. Это дало возможность продлить Вознесенский проспект на северный склон горки до Мельковской слободы с переходом в Верхотурский тракт. Вдоль этой части проспекта стала появляться жилая застройка. В северо-западном углу площади напротив западного фасада главного дома ансамбля Расторгуевых—Харитоновых выстроено здание, известное как дом Соломирского (наследник заводского хозяйства Турчаниновых). Здание не представляло объект архитектурного изыска, но в интерьерах помещений, как отмечали очевидцы, чувствовался высокий художественный вкус. Южный фасад дома Соломирского выходил на западный склон горки, где стояла часовня в память о снесенной Старо-Вознесенской церкви. Ниже часовни по склону располагались дома рядовой

Вид с Арсеньевского проспекта на Вознесенскую горку. Начало XX в.

обывательской застройки. На одной из первых фотографий этого участка видна панорама центральной части города, на переднем плане которой зафиксирована часовня и чуть ниже ее по склону — деревянный одноэтажный пятистенный дом на пять фасадных окон. На месте этого дома в 70-х годах XIX в. и был построен знаменитый каменный особняк горного инженера И.И. Редикорцева, впоследствии получивший название «Ипатьевского дома». В 90-х годах прошлого века дом этот у Редикорцева приобрел удачливый золотопромышленник И.Г. Шаравьев, который в 1908 году продал особняк и усадьбу военному инженеру-строителю Н.Н. Ипатьеву.

Динамика застройки Вознесенской площади на одноименной горке была особенно заметна только в период с конца XVIII в. до первой четверти XX в. В более позднее время шла достройка боковых приделов Вознесенской церкви. Дом Расторгуевых-Харитоновых после ссылки и гибели хозяев не менял свой облик, долгое время пустовал, потом сдавался под конторы и жилье. В усадьбе Зотовых также почти до начала XX века не отмечалось перемен, кроме утраты самого дома.

В течение многих десятилетий вплоть до 30-х годов XX в. площадь (исключая подъезды к главным входам зданий) представляла неблагоустроенное пространство, которое в западной части пересекалось мощным дорожным полотном Вознесенского проспекта. Под полотном был проложен дренажный канал, который спускался в толще западного склона к юго-восточному углу дома Редикорцева—Ипатьева и там выходил в канаву ливневой канализации, перекрытую массивными тесаными гранитными плитами. Эти плиты на всех улицах города выпол-

няли роль покрытия тротуаров и были очень удобны: любая грязь смывалась дождем, а поверхность гранита быстро просыхала. Регулярное озеленение площади отсутствовало. В окружающих площади усадьбах находились сформировавшиеся садово-парковые пространства: «Харитоновский сад» — место прогулок и отдыха екатеринбуржцев, сад дома Ипатьева, сад усадьбы Зотовых (позже — территория художественно-промышленной школы).

Особый историко-архитектурный интерес представляют подземелья Вознесенской горки. Большей частью они связаны с усадьбой Расторгуевых—Харитоновых. В главном доме были устроены глубокие подвалы, причем разные части дома имели свои автономные скрытые помещения, иногда соединенные переходами, иногда отдельные, имевшие свой выход. Один из подвалов в юго-восточной части здания имел два этажа. Об этом свидетельствовали строители, работавшие на реконструкции дома в 1936–37 гг., после которой он стал Свердловским Дворцом пионеров. Строители замуrowали спуск в нижний этаж в виде винтовой лестницы (в настоящее время можно видеть эту замуrowку в виде бетонного круга в полу). Из подвалов выходили подземные галереи и ходы в парковую зону и к усадьбе Зотова. Не исключено, что территория усадьбы была связана подземной галереей с подвалами Вознесенской церкви, хотя эта связь могла идентифицироваться с подземными сооружениями строений «Загородного Командирского дома».

Из подвалов дома Расторгуевых—Харитоновых ходы распространялись в подземном пространстве парка. Восточная часть дома, выходящая фасадом в парк, соединялась с парковой беседкой-ротондой. Из ротонды гале-

реи уходили в двух направлениях: к озеру и к садовому погребу, расположенном в юго-восточном углу парка. Главный ход направлялся из подвала каретника, огибал пруд с западной стороны и имел выход на поверхность в северо-восточном углу, примыкающему к рядовой городской застройке. Фрагменты этого и других ходов наблюдались при случайных провалах, при реконструкции парка и очистке пруда в конце 20-х годов XX в., отдельные участки всей системы подземелий зафиксированы при проведении геофизических съемок в 70-х годах.

Появление системы подземелий скорее всего связано с тем, что Расторгуев, Харитонов, Зотов по вере принадлежали к старообрядчеству, подвергавшемуся гонениям, кроме того, старообрядцы тяготели к устройству подземных молелен, тайных скиотов, убежищ и тайных выходов из них. Следует отметить, что подземная система на территории Вознесенской горки детально не изучена, например, с использованием археологических исследований, сопровождаемых раскопками. Осуществление этого помогло бы выявить и впоследствии реконструировать уникальный памятник строительной культуры и подземной архитектуры-терратектуры.

Историк А.Г. Козлов на основании архивных документов считал, что в недрах Вознесенской горки есть фрагменты старых горных выработок в виде коротких штолен и дудок, которые появились после открытия россыпного золота в пойме реки Мельковки с целью получения возможного доказательства коренного происхождения россыпей. Находки таких выработок неизвестны, однако их наличие вполне возможно и могло дать основание легенды о подземной связи дома Ипатьева и построек ансамбля Ростор-

гуевых—Харитоновых. При прокладке нового дорожного полотна Вознесенского проспекта скрыта значительная часть западного склона горки, но глубокий котлован не вскрыл ни подземного сооружения, ни старой горной выработки.

Реальным функционирующим подземным объектом, оборудованным на восточном склоне Вознесенской горки, является бункер управления гражданской обороны — несколько подземных помещений с коридорами. В настоящее время бункер занимает коммерческий «Сейф-банк».

Двадцатое столетие внесло свои изменения в структуру застройки и благоустройства Вознесенской горки, в назначение и судьбы построек, в ход исторических событий, некоторые из них оказались экстраординарными и приобрели мировое значение.

Дом Расторгуевых—Харитоновых, послужив пристанищем контор, типографий, коммунальных квартир, был реконструирован с некоторыми добавлениями (объем зрительного зала) и переделками интерьера и стал Дворцом пионеров, сыгравшим впоследствии немалую роль в воспитании интересов, развитии талантов и обеспечении занятости детей полезными делами, театром, спортом, изобразительным искусством и т.п.

Вознесенская церковь перестала функционировать в качестве Храма в 1926 году, а годом позже была переоборудована под школу. В 40-х годах в здании церкви обосновался краеведческий музей, и только в 1991 году Храм был вновь возвращен верующим.

На территории Зотовской усадьбы еще в восьмидесятых годах XIX в. был выстроен небольшой частный особняк, который в начале XX столетия в перестроенном виде вместил Художественно-промышленную школу. В этой

школе преподавали известные скульпторы Теодор Залькалн и Степан Эрзя, а учились не менее известные в будущем скульптор И.Д. Шадр и живописец И.К. Слюсарев. В 30-е годы в здании размещался Урало-Сибирский коммунистический университет. Позднее здание было надстроено до четырех этажей и передано вновь открытому сельскохозяйственному институту (ныне — сельскохозяйственная академия).

Дом Соломирского претерпел внутреннюю перепланировку и до его сноса в 1978 году представлял скопище коммуналок.

В 1920 году на все еще неблагоустроенной Вознесенской площади был установлен бюст К.Маркса работы Эрзи, перенесенный сюда с Кафедральной площади. Памятник простоял недолго. В 1932 году на его месте появилась композиция «XV лет вооруженному комсомолу», также оказавшаяся недолговечной. На месте

«комсомольской» композиции в 1959 году был установлен монумент Уральскому комсомолу (скульптор П.А. Сажин, архитектор Г.И. Белянкин), целесообразность нахождения которого здесь в настоящее время уже весьма спорна, особенно после возобновления служб в Вознесенской церкви.

Благоустроили площадь в 1936 году: был разбит сквер с зелеными насаждениями, установлены бордюрные камни с невысокими решетками, цветочные вазы в местах входов. В центре площади появился фонтан с оригинальной композицией: в центре круга — бронзовый мальчик, стремящийся удержать пойманную рыбу, извергающую водяную струю из раскрытого рта, по периметру круга-бассейна располагались бронзовые лягушки, фонтанные струи из которых достигали центральной фигуры. Место стало любимым для детей. Играя в сквере, они вставали в очереди, стремясь посидеть на спинах доступных бронзовых

Вид на площадь перед Вознесенским Собором. 1920 год.

животных. Скульптуры фонтана исчезли в 90-х годах (погоня за бесхозной бронзой?!), а в 1996 году был засыпан и бассейн. Так оказался утраченным интересный историко-культурный объект, вобравший память нескольких поколений горожан.

Дом инженера Ипатьева. Этому зданию была уготована особая судьба, определившая не только ход многих исторических событий, но и проявление морально-нравственных принципов целой социальной системы. В апреле 1918 года большевистские власти разместили в доме перевезенную из Тобольска семью бывшего российского императора Николая Второго и сопровождавших ее людей.

Дом Ипатьева был построен с учетом рельефа западного, наиболее крутого склона Вознесенской горки. Главный фасад, обращенный на Вознесенский проспект, имел один этаж, западный фасад, выходивший в усадебный сад — два этажа. Вследствие такой структуры образовался подвальный объем, углублявшийся в склон горы. Подвальный этаж имел выход непосредственно на Вознесенский переулок со стороны южного фасада дома. По размерам дом представлял сравнительно небольшое сооружение (длина — 31 м, ширина — 18 м), имел каменные службы и дворовые хозяйственные постройки. Достаточно сложно определить архитектурный стиль здания: здесь и начинавшаяся в 80-х годах прошлого века увлеченность псевдорусским элементом, и следы уже проглядывавшего модерна, и какие-то уральские архитектурные мотивы, однако, и чистой эклектикой это назвать трудно.

Дом был построен добротно, и хорошее состояние его поддерживалось последним владельцем. В доме имелись водопровод, электричество, канализа-

ция, телефон. Еще со времени владения домом Редикорцевым и особенно Шаравьевым сохранился богатый интерьер помещений с художественной росписью потолков, чугунным литьем и лепным декором.

В помещениях верхнего этажа жил инженер Н.Н. Ипатьев с семьей, в нижнем располагалась его контора подрядных работ.

После размещения царской семьи дом Ипатьева был обнесен высоким забором («Дом особого назначения» — так его именовали распорядители всей акции), на чердаках окрестных зданий были установлены пулеметы, в самом доме находилась многочисленная охрана.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. вся царская семья и сопровождавшие ее лица были зверски убиты в подвальном помещении дома инженера Н.Н. Ипатьева, выходящем в Вознесенский переулок. Через несколько дней в город вошли части белых войск, началось расследование кровавого преступления, в доме Ипатьева обосновались военные, в том числе штаб командующего Сибирской армией генерала Р.Гайды, а также представители Омского правительства.

После возвращения в город красных летом 1919 года в доме Ипатьева некоторое время располагался штаб красных войск, затем помещения дома были отданы под квартиры и общежитие высших партийных чинов, что продолжалось до 1927 года. В том же году дом Ипатьева передали в ведение «Истпарта» (была такая странная организация, не то архив, не то комитет, занимавшаяся вопросами истории большевистской партии), по планам которого в доме устроили Музей революции и антирелигиозный музей. Вознесенская площадь получила зловещее имя — площадь «Народной мести». В «расстрельном» подвале про-

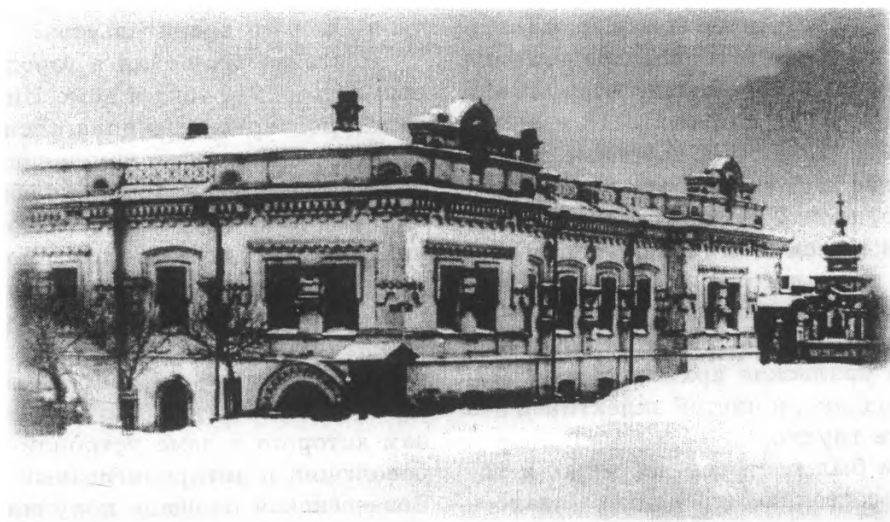
ведена реконструкция: восстановлена стена со следами пуль (настоящая была разобрана во время следствия, а фрагменты ее, как и доски пола с такими же следами, увезены при отступлении белыми войсками), пол и все элементы интерьера. Именитые посетители музея спускались в подвал и фотографировались в восстановленной обстановке кровавой бойни. Этим воспользовались, кстати, делегаты VI конгресса Коминтерна.

В Великую Отечественную войну в здании хранились некоторые эвакуированные коллекции Эрмитажа. После войны, в 1946 году, Музей революции был закрыт, предметы из его экспозиций переданы историко-краеведческому музею, часть отделов которого открылась в Вознесенской церкви. В пустовавшем доме Ипатьева еще некоторое время экспонировалась выставка образцов советского и трофейного немецкого оружия, применявшегося в войне.

В период с 1946 по 1971 год здание занимал Областной партийный

архив, затем оно было отдано учебному центру областного управления культуры. Часть помещений занимало управление «Союзпечать».

В 1974 году дом инженера Н.Н. Ипатьева заботами Свердловского отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры был поставлен на охрану, как историко-революционный памятник всероссийского значения. Но над домом давно собирались тучи. Он всегда привлекал внимание гостей города, которые сразу задавали хозяевам вопрос: как побывать у дома, где убили царя? В шестидесятые годы (не исключено влияние «хрущевской оттепели») у окон печально знаменитого подвала в дни годовщины гибели царской семьи стали появляться цветы. Однажды засветился огонек свечи. Естественно, власти об этом знали и тревожились — явная угроза идеологии. Прошел слух, что ЮНЕСКО включает дом Ипатьева в реестр памятников варварству, который содержит такие объекты, как гитлеровские лагеря смерти и прочие

Дом Ипатьева. Фото начала века

мерзости человечества. Красоваться рядом с Освенцимом лицемерной власти не хотелось.

Появился бестолковый проект спрямления улицы К.Либкнехта (Вознесенский проспект) вблизи знаменитого дома. Как ни тянули дорожное полотно в его сторону, чтобы раз и навсегда заездить машинами беспокойное место, не получалось — дом «убегал» от бровки на 8 метров. И тем не менее это было одним из оснований уничтожения здания. Местные власти, по-видимому, систематически будировали в кремлевских верхах этот вопрос. Есть свидетельства, говорящие о том, что решение о сносе дома Ипатьева было принято Политбюро ЦК КПСС еще в 1975 году, но ожидало своего часа, выполнение откладывалось. Может быть, в этом сыграло свою роль Хельсинкское совещание, решения которого носили подчеркнуто гуманистический характер, и не было резона «взрывать» мировое мнение сразу после поставленных подписей.

Наступил 1977 год. Проект дороги был завершен. Впереди — празднование 60-летия Октябрьского переворота, к которому, как всегда, требовалось укрепить идеологические тылы, снять неудобные проблемы, создать впечатление непогрешимости, незыблемости и нерушимости.

Снос дома готовился исподволь. Еще в 1975 году начали разрушать службы, хозяйственные постройки, каретник. Общественность забеспокоилась. В журнале «Урал» появился материал протестующего характера, откликнулись газеты, активисты ВООПИК посылали письма во все инстанции. К чести президиума ВООПИК, он стоял до конца и сделал, что смог, предотвращая преступление. Дом еще был на республиканской охране, а в нем начали снимать паркет. Председатель Совета министров

РСФСР М.С. Соломенцев не торопился с решением о снятии охранного статуса, его поддерживал и тогдашний секретарь ЦК КПСС Я.П. Рябов, земляк екатеринбуржцев. Давление нарастало. Особенно снизу. Секретарь Свердловского обкома КПСС по идеологии Пономарев, председатель облисполкома Мехренцев, первый секретарь горкома КПСС Манюхин, Управление КГБ настойчиво просили разрешить снос. Просьбам помогал А.П. Кириленко, когда-то бывший секретарем Свердловского обкома КПСС и на совести которого не один снесенный памятник архитектуры в г. Екатеринбурге. Достучались. Решение Совета министров РСФСР о снятии дома Ипатьева с государственной охраны состоялось 3 августа 1977 года. Незадолго до этого, в июле, в дом была направлена «секретная» комиссия во главе с профессором А.А. Малаховым на поиски тайников, подземелий и, конечно, неприбранных к рукам в прошлые десятилетия сокровищ царской семьи. Стены простукивались, полы прощупывались специальными щупами, всюду вертелась лозоходческая рамка. Обладавший секретами лозоходства А.А. Малахов, по-видимому, нарисовал слишком фантастическую картину, чтобы поверить в ее реальность. Поиски сокровищ приостановились.

В конце августа на совещании в Свердловском обкоме КПСС секретарь по идеологии Пономарев уже определенно заявил, что дом Ипатьева не является памятником и будет снесен. А вскоре заместитель председателя горисполкома В.П. Букин (партийные органы никогда свои руки не пачкали) подписал постановление горисполкома о сносе дома. К началу сентября из дома выехали последние сотрудники, квартировавших в нем ведомств. Преподаватели и студенты архитектурного института произвели точные обмеры и

сделали полную фотофиксацию. Работники Свердловского областного историко-краеведческого музея спасали элементы интерьера и декора. Правда, чуть не опоздали — какой-то вороватый представитель властей хотел увезти к себе на дачу великолепный ипатьевский камин. Вовремя схватили за руку.

Дом Ипатьева снова, как в памятном 1918 году, обнесли высоким забором, а 16 сентября 1977 года «шарбаба», раскачиваясь на стреле крана, стала крушить кирпичные стены. Крушение продолжалось два дня. После этого весь лом свезли на свалки, место разравнивали бульдозеры. Старожилам это действо напоминало разрушение Храмов в 30-е годы.

Через много лет Б.Н. Ельцин признается в книге своих воспоминаний, что «рано или поздно всем нам будет стыдно за это варварство, но ничего исправить уже не удастся».

Постепенно оголился от застройки весь треугольник территории, образованный улицами К.Либкнехта (Вознесенский проспект), К.Цеткин (Вознесенский переулок) и Дзержинского (Глуховская набережная). Битым кирпичом и мусором засыпали старые погреба, подвалы, колодцы, по развалам полз бурьян.

Идея паломничества к священному месту не пропала. Однажды на снег был брошен один цветок, потом букет, потом венки. Перестройка с ее относительными свободами, но неперменной гласностью расковала чувства и мысли. На скорбном месте стали собираться люди. Появился первый деревянный крест. Его спилили. Появился второй, потом третий, но металлический. К кресту ехали делегации, приходили паломники, молодые. Первые молебны разгоняла милиция. По старинке, по инерции. В 1990 году у креста прошли шумные политические митинги и манифестации, в связи с чем архиепископ Свердловс-

кий и Верхотурский Мелхиседек не разрешил служить молебен. Но 17 июля 1991 года он сам отслужил на скорбном месте панихиду по убиенным царственным мученикам.

Назрела идея увековечения памяти жертв кровавого террора, но она быстро обрела не материальный характер, а нравственный — служить великой цели очищения, покаяния и примирения. В старину такая идея воплощалась в Храме.

Президиум горсовета Екатеринбург и исполком приняли решение (№79 от 20.09.90 г. и №388-а от 10.10.90 г.) об отводе земельного участка Свердловскому Епархиальному управлению Русской православной церкви и разрешении установки на месте бывшего дома инженера Ипатьева памятного символа. Был объявлен открытый конкурс на разработку эскиз-идеи Храма-памятника на месте бывшего дома Ипатьева и застройки прилегающей территории. В условиях конкурса неперменным пунктом звучало: выразить в сооружении Храма тему торжества Православия, победы христианской любви над злом, насилием и несправедливостью. Предполагалось завершить конкурс к июльским дням памяти печального события, а выставку конкурсных проектов приурочить к большому событию — Конгрессу соотечественников, многие мероприятия которого должны были пройти в Екатеринбурге.

Все карты смешал августовский путч 1991 г. Воплощение конкурсных дел отодвинулось, хотя первые эскизы появились и даже оценивались. Соотечественники в Екатеринбург не приехали. Сама конкурсная идея не пропала, но появились новые мысли: во-первых, конкурс должен быть международным под патронажем Свердловского горсовета, Московской Патриархии и Союза архитекто-

ров РСФСР, во-вторых, должна быть осуществлена разработка не просто Храма-символа, а Храма на Крови Во Имя Всех Святых, в Земле Российской Просиявших. В-третьих, нужно было решать задачу наиболее целесообразной застройки всего этого участка городской территории. По мере усложнения задач конкурса, объективных оценок его масштабов, особенно при условии участия зарубежных конкурсантов, и оценки общей ситуации сроки представления работ и их оценки сдвигались. Сначала срок объявления результатов устанавливался на 15 декабря 1991 г., потом он передвинулся на 15 марта 1992 г., а окончательно определился 25 июня 1992 г.

В состав жюри вошли известные екатеринбургские архитекторы, историки, священнослужители, деятели культуры, а также специалисты из Москвы. Председателем жюри стал представитель Московской Патриархии — Епископ Подольский Виктор.

Конкурс состоялся. Рассматривались 18 представленных проектов, из них 6, как наиболее отвечавших условиям, получили оценки. Первую премию не присудили, две вторых достались проекту А.В. Долгова (Екатеринбург) и Ю.Г. Алонова (Москва), три третьих — проектам К.В. Ефремова (Курган), М.В. Седовой (Екатеринбург), И.А. Соколовой, Н.Б. Бессоновой, Н.В. Козиной, Н.Е. Платовой (Жуковский, Московская обл.), поощрительной премией отмечен проект А.Н. Оболенского, Е.Н. Сердюк, А.А. Чижевского, И.П. Хатунцева (Москва).

Однако, отмеченные премиями проекты не вполне удовлетворяли условиям, необходимым для начала разработки рабочего проекта, поэтому жюри приняло решение предложить авторам провести доработку проектов с учетом

замечаний и представить результаты к 15 сентября 1992 г.

Так и случилось. В назначенный срок жюри снова рассмотрело представленные после доработки проекты. И тут произошла неожиданность, которую преподнесли курганские архитекторы под руководством К.В. Ефремова. Они не стали возвращаться к своему прежнему проекту и представили совершенно новую оригинальную композицию, в которой решался и объем Храма и градостроительная ситуация Вознесенской горки с возможностью создания здесь зеленой зоны. Другие проекты отвечали дополнительным условиям конкурса, но «взлететь не смогли».

Жюри «после тщательного анализа представленных проектов с разбором всех внесенных изменений и выполненных рекомендаций, данных авторам, всестороннего обмена мнениями и дискуссии, в результате тайного голосования» решило: «принять за основу для дальнейшего проектирования Храма-памятника на Крови в г. Екатеринбурге проект архитектора Ефремова К.В. (г. Курган) как наиболее полно отвечающий условиям конкурса, как функционально позволяющий проводить требуемые богослужения в статусе Храма-памятника, как рационально вписавшийся в градостроительную ситуацию и раскрывающий архитектурную образность данного объекта».

Закладка первого камня Храма на Крови состоялась 23 сентября 1992 года на месте нахождения того самого «растворного» помещения подвала, где прошли последние минуты жизни царской семьи и сопровождавших ее лиц.

Для продолжения работы над проектом, а главное для последующего строительства Храма был создан специальный фонд с Попечительным советом. Возглавил фонд архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Мелхиседек,

а заместителем его стал некто отец Иоанн, в миру Ян Горбунов, представитель криминальных структур в церкви. Поэтому, не сделав ни одного полезного дела на пути к Храму, фонд скандально лопнул, а собранные в течение полугода деньги на Храм были просто расхищены «учредителями» и их присными.

Постройка Храма застопорилась. Отсутствие средств подсказало, к сожалению, тот же путь содействия строительству — организация нового фонда, но со светским уклоном деятельности. Во главе фонда, названного «Воздвижение» стал местный политик Г.Ю. Карелин. Фонд «Воздвижение» был зарегистрирован в органах юстиции 9 декабря 1993 г. Почти одновременно, 28 декабря 1993 г. Московская Патриархия выступила с заявлением о создании религиозного фонда в Москве по строительству того же Храма-памятника на Крови на том же «ипатьевском» месте. Таким образом, стали происходить загадочные явления с фондами. Фонд «Воздвижение» очень быстро (к лету 1994 г.) прекратил деятельность, правда успев оказать кое-какую помощь победителю конкурса К.В. Ефремову и подняв вопрос о присвоении участку, где стоял дом Ипатьева, статуса исторического места. Фонд «Воздвижение» после разграбления предыдущего фонда не получил финансовой поддержки от жертвователей — вера в бескорыстие всяких фондов исчезла. Недаром, появился афоризм: фонды создаются, чтобы их разворовывать. Вдохновитель фонда Г.Ю. Карелин получил политические дивиденды, с ними прошел в депутаты Государственной Думы и перестал заниматься проблемами храмового строительства.

Тем не менее идея постройки Храма на Крови не угасла. В Екатеринбургской Епархии созданы какие-то струк-

туры, занимающиеся этим делом, автор конкурсного проекта архитектор К.В. Ефремов стал епархиальным архитектором и надеется воплотить свои творческие искания в кирпич и камень.

Что же на месте Ипатьевского дома? Практически уже двадцать лет пустырь. После закладки камня для Храма на оси Вознесенского переулка, напротив южного фасада когда-то стоявшего дома, появилась деревянная часовня Во имя Преподобной мученицы Елизаветы Федоровны (автор — архитектор А.В. Долгов), которую пытались спалить. У креста выстроено странное сооружение: крытый помост с церковной маковкой, видимо, для богослужений в непогоду. Его называют Храмом без стен. А вокруг — пустырь, уже зарастающий кустарником.

В июле 1997 года в Екатеринбурге возникло движение за восстановление дома Ипатьева.

Движение «Дом Ипатьева» провело два «круглых стола». Выяснены позиции, заслушаны мнения, направлены обращения во властные структуры и общественные организации с просьбой о поддержке предложений. Обращение подписали уважаемые люди города, специалисты, общественные деятели. И все это ни в коей мере не снимает и не подменяет вопрос о строительстве Храма, а наоборот, расширяет возможности и церкви, и общества, которое состоит не из одних православных верующих.

Восстановленный дом Ипатьева может стать не только местом покаяния и молитвы, но и музеем Романовых, первым и единственным в мире музеем династии.

Так и видится на нынешнем пустыре некий Форум, где удивительную значимость приобретают слова из Евангелия от Матфея (гл. 5. п.24), которыми сопровождался первый конкурс Храма:

«Оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примиришься с братом, и тогда приди и принеси дар твой...»

Вознесенская горка 60-70-х годов не только обрела пустырь на западном склоне и дорогу сомнительной надобности. На углу зотовской усадьбы, где когда-то был пышный сад, поднялся угловатый монстр «Бухара-Урал». Здесь он совсем лишний и необъясним по канонам гармонии объекта и среды.

По периметру горки вместо одноэтажной рядовой застройки, частью

деревянной, возведены административные и жилые многоэтажные здания. На северном склоне появилось здание театра юного зрителя в формах индустриальной эпохи. Вознесенский проспект пересекли два подземных перехода, один из которых заняла торговая точка.

У Вознесенской горки хорошие соседи: Екатеринбургская филармония, Музей писателей Урала, киноконцертный театр «Космос», словом — интеллектуальное поле.

